

3. Кравченко, Н.П. Имиджевая функция журналистики / Н.П. Кравченко // Медийные стратегии современного мира : Материалы Четвертой международной научно-практической конференции, Сочи, 1-3 ноября 2010 г. – Краснодар : Кубан. гос. ун-т, 2010. – С. 29–31.
4. Кравченко, Н.П. Реализация новых функций журналистики в государственных СМИ / Н.П. Кравченко // Вестник АдыгГУ. Сер. 2. Филология и искусствоведение. – 2010. – №3. – С. 78–84.
5. Крюченко, Т. На берега Днепра и Друти / Т. Крюченко / Гомельская праўда. – 2017. – 1 крас. – С. 7.
6. Лашова, С.Н. Основные каналы формирования имиджа региона в интернете / С.Н. Лашова // Вестник ВГУ. – Серия: Филология. Журналистика. – 2015. – №4. – С. 124–127.
7. Ресурсы массовой коммуникации в формировании страновых имиджей / И.В. Сидорская [и др.] ; под ред. И.В. Сидорской. – Минск : БГУ, 2016. – 191 с.
8. Сидорская, И. Формирование позитивного образа страны на международной арене: теоретико-методологический аспект / И. Сидорская // Международная журналистика – 2012: современное состояние и направления развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 17 февр. 2012 г. / под общ. ред. Т.Н. Дасаевой ; сост. Б.Л. Залесский. – Минск: Изд. центр БГУ, 2012. – С. 124–135.
9. Старовойтов, Р. Черного золота в Беларуси стало вдвое больше / Р. Старовойтов / Гомельская праўда. – 2017. – 30 мая. – С. 6.
10. Таранова, Ю.В. Формирование имиджа в условиях информационного общества: технологии, методология, исследование / Ю.В. Таранова. – LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. – С. 188 с.
11. Чепленко, А. Метизный экспорт / А. Чепленко / Гомельская праўда. – 2017. – 1 крас. – С. 6.

Николай ЛАБУШ

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия*

ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА: ОТ ПРАКТИКИ К ТЕОРИИ И ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ

Несмотря на то, что в средствах массовой информации термин «информационная война» занимает по упоминаемости рейтинговое высокое место, а любой гражданин может оказаться объектом поражения на ее «фронтах», специалисты в области информационного противоборства до сих пор не смогли найти путей эффективного взаимодействия между теоретическими изысканиями и практическими реализациями тех разработок, которые должны обеспечить информационную безопасность, а при возникновении информационной войны привести к успеху в осуществлении информационных операций и достичь победы. Данная про-

блема характерна как для Российской Федерации, так и ее союзников в рамках Союзного государства, других политических, экономических, военных союзов.

В исследованиях, посвященных информационной войне целесообразно выделить две основные группы работ. Одна из них отдает предпочтение технологической и организационно-технической стороне явления, т.е. использованию информации как средства управления войсками и техникой, нанесению ущерба боевым информационным системам противника, противодействию в радиоэлектронной борьбе [1]. Ко второй группе можно отнести те работы, в которых исследуется использование **массовой информации** для достижения политических целей в противодействии больших социальных групп [2]. Именно эти явления в настоящее время представляются как информационная война, хотя точнее их следовало бы назвать массово-информационной войной. Объектом воздействия в этом виде противоборства является сознание, моральный дух, идейные взгляды, ценности населения и войск потенциального (вероятного) противника. Так как на практике осуществляются сценарии обоих вариантов, то в данном исследовании мы рассматриваем те проблемы информационного противоборства, в которых в зависимости от целей и задач конфронтации массовая информация используется как оружие воздействия на сознание и волю политического руководства страны, общественное мнение и систему его формирования (в первую очередь, СМИ), социальную среду, духовную сферу, мировоззрение, идеологические установки и психику граждан.

Следует уделить внимание двум проблемам, имеющим важное как теоретическое, так и прикладное, практическое значение. Первая – отличительные характеристики информационной войны. Различная степень использования средств массовой информации как оружия, варианты его применения, объект направленности проявлялся в разных видах противоборства и зафиксирован в таких понятиях, как «идеологическая война», «холодная война», «психологическая война», «морально-психологическая война». Все они отражают разные стороны, оттенки одного и того же явления. В этих категориях зафиксированы исторические, социально-политические особенности противоборства, особенно социальное-психологическое восприятия воздействия на реального или потенциального противника. Главное же состоит в том, что основой воздействия во всех названных видах противостояния является информация. Учет исторического опыта, поиск возможных аналогий, избегание ошибок – вот главная практическая направленность теоретических изысканий в этом направлении.

Недостатки в разработке теории информационного противоборства приводят к тому, что на уровне обыденного сознания информационная война у одних представляется исключительно техническим явлением – кибервойна, у других – продуктом массмедиа – массово-информационная война, у третьих – как информационное сопровождение любых боевых действий (психологическое, морально-психологическое обеспечение вооруженных сил). А смешение понятий приводит к тому, что на практике основное внимание уделяется техническому, организационному аспекту информационной войны. В лучшем случае гуманитарный аспект рассматривается в виде морально-психологического обеспечения военных действий.

Вторая проблема преимущественно практического характера – выявление критериев перехода обычного информационного взаимодействия конфликтного типа в фазу информационной войны, которая, в свою очередь, может иметь как мирный, так и «военный» период. По сути, выявление сущностных характеристик информационной войны, носящее теоретический характер, важно с практической точки зрения – своевременного выявления этой экстремальной формы политического процесса, адекватной и эффективной ответной реакции как властей, так средств массовой информации на информационную агрессию, обеспечение информационной безопасности общества и государства.

Может быть, без глубоких теоретизирований здесь и можно обойтись, но недостаток в теории приводит к тому, что на практике любой всплеск информационной конфронтационной активности (чем грешат журналисты) называют информационной войной, что притупляет внимание к действительным импульсам и проявлениям этого явления. А, с другой стороны, для организации практической работы не хватает концептуального подхода и научного кругозора. Серьезных усилий в осмыслении требует тот сегмент информационной войны, который направлен на переформатирование сознания, на подавление воли.

Несмотря на то, что информационная борьба как составной компонент обычной войны велась практически во всех войнах на протяжении истории человечества, информационная война возникает лишь на определенном этапе развития общества, под влиянием целого ряда факторов и обстоятельств. При этом мы исходим из того, что она, по аналогии с известной формулой Клаузевица, – продолжение политики средствами информационной агрессии. Этими средствами является массовая информация. Только при достижении экономикой определенного уровня развития, стало возможным развитие науки и техники, совершенствование технических средств, создание современной системы средств массовой информации, которая обладает способностью и возможностями

многократного воздействия на сознание и мотивацию поведения, как отдельных индивидов, так и больших социальных общностей людей. Радио, телевидение, мобильная связь и интернет становятся основными средствами воздействия особенно в так называемый «мирный период» информационной войны, т.е. при условии, когда информационное воздействие оказывается на население страны потенциального противника, его политическую и экономическую элиту. Воздействие весьма эффективное, по результатам, сравнимым с возможными результатами для победителя в обычной, конвенциональной войне. Появление глобальной информационной сети, открывшей возможности для массовых коммуникаций в интернете, и сотовой связи, в сочетании с технологией воздействия на сознание людей, сформировали базу для реализации идей массового воздействия на население и войска противника, для манипулирования сознанием личности в процессе медиатизации.

Развитая техническая база – основное, но не единственное условие появления феномена информационной войны. Глобализация социальных процессов, открытость виртуальных пространств создают условия, при которых идеи, взгляды, любая информация может беспрепятственно пересекать национальные границы и воздействовать на аудиторию безотносительно национальности, социального положения и идеологических пристрастий. А ноополитика становится частью государственной политики при разрешении конфликтов самой различной интенсивности [3]. К числу условий, способствующих проявлению свойств информационной войны, следует отнести изменение возможностей достижения целей политики как отражения интересов классов, больших социальных групп, национальных государств и их союзов. Прежнее представление о необходимости покорения народов путем военной агрессии постепенно уходит в былое, хотя военная сила на длительное обозримое время останется действующим фактором международной политики. Но вместе с тем происходит ее трансформация на международной арене. Все активнее проявляет себя «мягкая сила», значимый компонент которой – информационный фактор.

С одной стороны, интересы государств, ориентированные на владение ресурсами, не требуют традиционного захвата территорий, а соответственно – уничтожения живой противника. Ресурсами можно завладеть и распоряжаться иным путем. Важно иметь возможности воздействия на политическую и экономическую элиту страны, владеющей ресурсами, важно иметь народ, принимающий ценности «потенциального противника». «Перед политтехнологами стоит задача перенесения центра противоборства из материальной сферы в информационную, в ходе которого осуществляется трансформация ментального поля насе-

ления тех стран, которые стоят на очереди в геополитической пищевой цепочке субъектов международной политики «хищник-жертва». При этом для предотвращения сопротивления жертвы агрессии применяется своего рода анестезия – психологическое обезболивание, выполняемое для того, чтобы информационное вторжение воспринималось как “добровольное” желание людей принять чуждые им цивилизационные ценности» [4]. С другой стороны, сама сила приобретает новые качественные характеристики. Это – не только и не столько физическое насилие и принуждение. При достижении политических целей все больше задействованы насильственные характеристики информационного воздействия. От сигнала, означающего начало битвы и пламенной речи предводителя до информационной войны как самостоятельного явления политического противоборства – такова метаморфоза информации в вооруженном конфликте. Но именно в постиндустриальную эпоху качество информации позволило завуалировать применение насилия.

Обозначенные выше общемировые условия появления информационной войны удачно дополняются обстоятельствами внутренней ситуации, складывающейся в странах с демократическим режимом правления. В этих государствах велика роль общественного мнения, и правительства проводят политику с оглядкой на требования внутренних политических сил, подверженных влиянию самых различных взглядов и идей, которые не всегда соответствуют национальным интересам. Поэтому весьма важным условием информационной войны представляются появившиеся новые возможности воздействия на индивидуальное и общественное сознание и манипулирование ими в силу политического и идеологического плюрализма, политики толерантности, либерального законодательства. Эти условия являются благоприятной средой формирования «пятой колонны», создающей внутренний фронт информационной войны. Вряд ли стоит замалчивать этот факт из-за боязни быть уличенным в конспирологии, особенно в условиях реальности «внутренней информационной войны».

Основная драма любой стратегической информационной операции разворачивается внутри страны, которая ее проводит. Любое изменение политики сопровождается изменением содержания того, что правящие круги говорят своему населению. Чтобы сделать что-то вне страны, элиты должны прийти к консенсусу и осуществить подготовку своего народа, объяснить ему, что хорошо и что плохо. Надо быть уверенным в том, что внешнеполитические акции получат одобрение собственного населения. Цель – добиться согласования позиций и получение мандата на проведение тех или иных действий. Если не удастся, то приходится

вести информационную войну на внутреннем фронте, которая по принципу конфронтационности напоминает «горячую» гражданскую войну.

При анализе практики информационной войны актуален вопрос разнообразия форм и содержательных характеристик других категорий, обозначающих различные конфронтационные информационные процессы и учитывающие разновеликий масштаб применения информационного оружия: «информационные атаки», «информационные кампании», «информационная агрессия» и даже «информационные мины и бомбы». Контент представляет «начинку боевого снаряда» информационной войны, поэтому терминология, используемая при описании информационных войн, весьма «военизирована». В информационной войне, как и в обычной войне, выделяются отдельные эпизоды, которые могут носить по аналогии такие названия, как информационная кампания, информационные столкновения или информационная операция. Пришло время теоретического осмысления данных явлений в категориях социально-политических, гуманитарных наук. Гуманитарная расшифровка названных выше категорий может служить ступеньками познания такого сложного и слабо изученного социального явления как информационная война. Представляется неверным как преувеличение времени существования такого феномена, как информационная война, так и его и уменьшение. Так, американские специалисты, проводящие исследования в области информационной войны, еще в конце прошлого столетия выделяли в их истории стратегическое противоборство двух поколений.

Стратегия первого поколения больше ориентировалось на дезорганизацию деятельности систем управления и проводилось, скорее, как обеспечение действий традиционных сил и средств ведения войны. Стратегическое информационное противоборство второго поколения – самостоятельный вид стратегического противоборства, способный в идеале разрешать конфликты без применения вооруженной силы при решении следующих задач: создание атмосферы бездуховности и безнравственности, негативного отношения к культурному наследию противника; манипулирование общественным сознанием и политической ориентацией социальных групп населения страны с целью создания политической напряженности и хаоса; дестабилизация политических отношений между партиями, объединениями и движениями с целью провокации конфликтов, разжигания недоверия, подозрительности, обострения политической борьбы, провоцирование репрессий против оппозиции и даже гражданской войны; снижение уровня информационного обеспечения органов власти и управления, инспирация ошибочных управленческих решений; дезинформация населения о работе государ-

ственных органов, подрыв их авторитета, дискредитация органов управления; провоцирование социальных, политических, национальных и религиозных столкновений; инициирование забастовок, массовых беспорядков и других акций экономического протеста; затруднение принятия органами управления важных решений; подрыв международного авторитета государства, его сотрудничества с другими странами; нанесение ущерба жизненно важным интересам государства в политической, экономической, оборонной и других сферах.

Для информационного противоборства нового поколения характерны такие особенности, как: перенос агрессии из военно-географического пространства в информационно-сетевое поле; резкое возрастание роли телевизионных каналов в инициировании конфликтов; усиление влияния западной идеологии на традиционные общества; отсутствие четко выявленных признаков разрушительного воздействия, характерных для обычных войн; необратимость последствий информационно-сетевой войны [5]. В настоящее время все более четко определяются контуры информационной войны. Она все более явно просматривается в конфликтах самой различной интенсивности XXI в., будь то российско-грузинский вооруженный конфликт 2008 г., в котором грузинская сторона «показала мастер-класс» информационной войны, или военные операции американских военных войск и их союзников с интенсивной информационной подготовкой и информационным сопровождением в Сирии и Ливии, или «цветные революции» последних десятилетий, в которых массмедиа выступали и средством создания информационного повода, и мощным фактором их развития, или продолжающийся кризис отношений США и его союзников с КНДР, сопровождающийся перепалками, угрозами, оскорблениями на самом высоком уровне.

Сложнее оценить состояние отношений Российской Федерации в информационной сфере с бывшими советскими республиками, пополнившими ряды Североатлантического альянса, Украиной, лидером западного мира – США. Эти отношения в ряде случаев уже балансируют на грани жесткого информационного противоборства и приближаются к информационной войне, для которой создается надежный фундамент. Основой являются обострившиеся политические и экономические противоречия, а фоном служат участвовавшие некоторые военнополитические решения и практические шаги, по своей мощи и последствиям не имеющие принципиального значения в военном отношении, но создающие соответствующую атмосферу не только недоверия, но и разжигающие ненависть. Какие же реальные параметры состояния политического и информационного взаимодействия государств могут

служить основанием для выявления факта информационной войны? Обозначим их тезисно.

Формальным началом информационной войны можно считать принятие официальных документов – концепций, доктрин, законов, директив, заявления, выступления официальных государственных лиц. Заявление президента США Б. Обамы в сентябре 2014 года на Генеральной Ассамблее ООН о новых угрозах миру, среди которых Россия соседствует с лихорадкой, вызванной вирусом Эбола и джихадистами «Исламского государства», может быть, и не является сигналом непосредственно начала атаки, но явно указывает цель, против которой нужно сконцентрировать усилия в совместной борьбе. Обстоятельством, позволяющим приводить в действие любые средства для противоборства в информационном пространстве, может быть объявление России агрессором, что было сделано 27 января 2015 года Верховной Радой Украины и неоднократные заявления об этом президента Украины. Новые технические коммуникационные возможности позволяют официальным лицам, даже не делая заявлений на официальных встречах, приемах, брифингах, косвенно, используя записи в блогах, откровения на страницах социальных сетей, инициировать обострение информационной борьбы, нагнетать обстановку, регулировать информационные потоки. «Сознательная безграмотность» политиков самого высокого ранга тиражируются западными СМИ без особых комментариев.

Конкретные цели информационной войны заявляются в служебных наставлениях американских спецслужб, а конкретную подготовку к ней олицетворяет создание в войсках специальных подразделений по ведению информационной войны. Свидетельство постепенного перехода к информационной войне – ограничение доступа к информации противной стороны конфликта. Это проявляется и в информационной политике государств, и в лишении аккредитации журналистов, запрете на доступ к информации. Происходит «ручное» регулирование информационных потоков путем запрета деятельности журналистов и выдворения за пределы страны. В 2015 году СБУ выдворило из Украины 88 российских журналистов [6]. Информационная блокада включает ограничение информации и блокировку информационных потоков, как для противной стороны, так и для граждан своей страны.

Отличительным фактом информационных войн нового времени становится жесткое разделение журналистов на «своих» и «чужих», потеря журналистским сообществом корпоративного духа. Журналисты становятся служителями идеологий и политических пристрастий, а не слугами фактов и событий. Подготовкой к информационной войне служит создание атмосферы вражды и напряженности среди своего населе-

ния по отношению к противной стороне, издание пособий и брошюр, обучающих безопасному поведению в случае агрессии, снос памятников и переписывание истории [7]. Особый признак информационной войны – повышенный индекс агрессивности при анализе качественно-количественных характеристик контента. Применение медиаметрических показателей позволяет отслеживать начало стратегических информационных операций, которые, в свою очередь, способны перерасти в информационную войну.

Несмотря на обильную литературу по проблемам информационной войны, перед научными исследователями стоит масса нерешенных вопросов, связанных с углублением в анализ сложных процессов информационного противоборства. Если специалисты в сегменте информационно-технической борьбы, оперируя конкретными фактами, цифрами, реальными физическими процессами и материальными объектами, значительно продвинулись в своих научных поисках, то область массово-информационной борьбы пока рассматривается весьма абстрактно. И, в первую очередь, из-за сложностей ее изучения, как виртуального явления, к которому весьма условно применимы существующие методы прогноза. Хотя в практической деятельности российских медиа уже накоплен достаточно большой объем материала, который может и должен быть подвергнут научному анализу для того, чтобы извлечь полезные рекомендации и предложения.

Литература

1. См., напр.: Воробьев И. Н., Киселев В. А. Киберпространство как сфера непрямого вооруженного противоборства // Военная мысль. – 2014. – № 12.
2. См.: Беляев Д.П. Разруха в головах. Информационная война против России. СПб, 2014; Лисичкин В.А., Шелепин Л.А. Третья мировая (информационно-психологическая) война. М., 1999; Ткаченко С.В. информационная война против России. СПб, 2011; Почепцов Г. Г. Информационно-психологическая война. М., 2000; Панарин И. Информационная война за будущее России. М., 2008; Панарин И. Первая мировая информационная война. Развал СССР. СПб, 2011; Панарин И.Н. Информационная война и коммуникации. М., 2014.
3. См., напр.: Никонов С.Б. Ноополитика как составляющая часть стратегии государственных конфликтов // European Social Science Journal. – 2012. – № 2. – С. 467–472.
4. Карякин В. В., Козин В. П. Военная политика и стратегия США в геополитической динамике XXI века. М., 2014. – С. 24.
5. См.: Бобров А. Информационная война: от листовки до твиттера // За рубежом военное обозрение. – 2013. – № 1. – С. 20–27.
6. СБУ выдворила из Украины 88 российских журналистов-пропагандистов [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа:

<http://ukranews.com/news/154872.SBU-vidvorila-iz-Ukraini-88-rossiyskih-zhurnalistov-propagandistov.ru>. – Дата доступа: 16.05.2017.

7. Минобороны Литвы подготовилось к оккупации Россией [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: <http://www.utro.ru/articles/2015/01/16/1229748.shtml>. – Дата доступа: 16.05.2017.

Линчжи ЛАЙ

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия*

МЕДИЙНАЯ ПРАКТИКА КАК КАНАЛ УСПЕШНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА «ОДИН ПОЯС И ОДИН ПУТЬ»

Мировое сообщество переживает стремительный прогресс и резкие изменения, одновременно отвечает на небывалые вызовы современности. В условиях экономической глобализации, политического плюрализма и культурного многообразия ни одна страна не способна сегодня самостоятельно решать все существующие глобальные проблемы. Только совместное развитие всех стран может стать драйвером для мировой экономики. Это требует отказа стран от экономической гегемонии, которая приносит пользу лишь некоторым крупным мировым акторам и только увеличивает разрыв между богатыми и бедными. Принцип «силовой политики» давно ушёл в прошлое. Мир нуждается в глобальном управлении нового типа.

В данном контексте председатель КПК Китая Си Цзиньпин в 2013 году выдвинул идею совместного построения “Экономического пояса нового Шелкового пути” и “Морского Шелкового пути XXI века”. И своевременно предложил концепцию “Человеческое сообщество с единой судьбой” как альтернативный вариант глобального управления. При этом руководство Китая осознавало: «Инициатива “Пояс и путь” – это масштабное предприятие, которое требует времени и целенаправленных усилий» [9]. Мировые страны положительно восприняли проекты совместного построения «Экономического пояса нового Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI века».

Концепция «Один пояс – один путь» включает «пять связующих элементов» – политическое согласование, единую инфраструктурную сеть, торговую связь, валютно-финансовые потоки, народные связи, – на основе которых предполагается полномасштабное продвижение практического сотрудничества, способствующего политическому взаимодоверию, экономической интеграции, культурной толерантности в мировом масштабе» [7]. За последние годы более 100 стран и междуна-